

Бугаева Н.В. (Москва)

УЧАСТИЕ ПОСТРАДАВШИХ ОТ СУЛЛАНСКИХ КОНФИСКАЦИЙ В ЗАГОВОРЕ КАТИЛИНЫ

Несмотря на более чем двухсотлетнюю историю изучения событий 63 г. до н. э., традиционно именуемых “заговором Катилины”, дискуссионными остаются многие связанные с ними вопросы и, прежде всего, о составе сторонников Луция Сергия Катилины. Хотя события, связанные с заговором, превосходно освещены писателями древности, их сведения в значительной степени противоречивы, что и обусловило взаимоисключающие трактовки случившегося¹.

Цицерон во Второй Катилинарии уделяет значительное место характеристике своих противников, и именно эта речь находится в центре внимания современных исследователей. Ведь никакой другой исторический источник не содержит столь детальную и одновременно “сконцентрированную” информацию о сторонниках Катилины; да и кто же мог быть более осведомленным о происходящем, чем руководивший подавлением заговора консул? Первостепенная важность Второй Катилинарии, казалось, должна была привлечь особое внимание к ее источниковедческому аспекту. Действительно, в отечественной науке неоднократно высказывалась мысль, что и официальное положение Цицерона и обстоятельства произнесения речей против Катилины не способствовали достоверному освещению в них сложившейся ситуации². Однако, к сожалению, непосредственно в самих исследованиях этот важнейший постулат не нашел подобающего воплощения; и закономерно, на наш взгляд, итогом стало, то, что существующие сейчас различные интерпретации сообщаемых Цицероном сведений порождают множество вопросов и не свободны от внутренних противоречий.

Напомним, что Вторая Катилинария произнесена великим оратором сразу же после отъезда Катилины в Этрурию. Главной целью консула было успокоить собравшихся на форуме горожан, справедливо опасавшихся, что мятежники обретут недостающего им до сих пор умелого руководителя. Задача Цицерона была прямо противоположна задаче профессионального историка: если последнему

¹ Если Т. Моммзен видел в Катилине главаря анархистов (Моммзен Т. История Рима. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 3. С. 180), то ряд исследователей считали его вождем италийского пролетариата (Блох Л. Сословная и социальная история Римской Республики. СПб., 1904. С. 99–103; ср.: Кирбятъев С.С. Заговор или движение Катилины? // УЗ Чкаловского госпединститута. 1948. Вып. 1. С. 115 и далее) или претендентом на установление режима личной диктатуры (Машкин Н.А. История Рима. М., 1947. С. 286; Бенклиев С.Н. Второй заговор Катилины и его характер // Труды Воронежского университета. 1957. Т. 47. С. 81).

² Кирбятъев С.С. Указ. соч. С. 135–140; Стрельникова И.П. Некоторые особенности ораторской манеры и стиля Цицерона (по Катилинариям) // Цицерон. М., 1958. С. 115 и далее; Бенклиев С.Н. Указ. соч. С. 86.

следовало дать точную и исчерпывающую характеристику сторонников Катилины, то Цицерон хотел любой ценой убедить слушателей, что в своем нынешнем составе враги республики неспособны одержать победу. Для этого Марк Туллий целенаправленно создает карикатуру на своих противников, изображает их в жалком и смешном виде, чем преуменьшает представляемую ими опасность. Данная тактика, по нашему мнению, предопределила содержащуюся во Второй речи классификацию катилинарцев. Согласно Цицерону, в первую их категорию входят богатые и уважаемые люди, стоимость имущества которых превышает размеры долга (*Cic. Cat. II.18*); во вторую — также обремененные долгами рвущиеся к власти честолюбцы (*ibid. 19*), насколько можно понять, люди далеко не бедные и активно участвующие в политической жизни *civitas*. К пятой категории относятся различного рода преступники (*ibid. 22*), к шестой — ближайšie друзья Катилины из ведущей скандальной образ жизни “золотой молодежи” (*ibid. 22–23*). Третий разряд состоит из растративших добытое во время гражданской войны сулланских ветеранов, которые “подали надежду на возобновление прежних грабежей некоторым (*non nullos*), живущим в нужде и скудости сельским людям (*agrestis homines tenuis atque egentis*)” (*ibid. 20*). При этом Цицерон особо оговаривает, что он помещает и тех и других в одну категорию сторонников Катилины (*ibid. 20*). И, наконец, четвертый разряд, “в высшей степени разнообразный, смешанный, и взбудораженный (*sane varium et mixtum et turbulentum*); они уже давно находятся под гнетом долгов и никогда не всплывут; они частично из-за бездействия, частично из-за плохого ведения дел, частично из-за своих трат бьются в старых долгах; говорят, что утомленные явками в суд, судебными заседаниями и объявлениями о продаже имущества эти люди в преогромном количестве из города и с полей (*permulti et ex urbe et ex agris*) направляются в тот лагерь” (*ibid. 21*).

Какой принцип положен Цицероном в основу этой классификации? По нашему мнению, прежде всего, это степень одиозности. Не случайно великий оратор определяет шестую категорию катилинарцев как последнюю “не только по счету, но также и по самому характеру и образу жизни (*non solum numero verum etiam genere ipso atque vita*)” (*ibid. 22*). Цицерон начинает с богатых и уважаемых граждан; далее следуют занимающие достаточно высокое положение в обществе честолюбцы; затем — разорившиеся ветераны Суллы (при оговорке, что это “честнейшие граждане и храбрейшие мужи”)³; после них — погрязшие из-за собственной бесхозяйственности в долгах жители Италии (с точки зрения Цицерона, никчемные граждане); наконец, преступники и охарактеризованная убийственным образом “золотая молодежь”. Прочие предположения, на наш взгляд, не могут удовлетворительным образом объяснить это построение Второй Катилина-

---

³ Такими их изображает Цицерон; грешит ли он здесь против истины — это другой вопрос, выходящий за рамки нашего исследования.

рии. Цицерон неоднократно подчеркивает, что общей целью участия в заговоре является стремление избавиться от долгов (*ibid.* 8; 10; 18–21). Дополнительный мотив — жажда власти — отмечен великим оратором только для второй категории, но на ее расположение в общем перечне это не повлияло. Если же главным критерием для классификации мятежников служит их общественное положение, то неясно, почему “золотая молодежь” оказывается на последнем месте — ведь ей следовало бы находиться перед сулланскими ветеранами или же быть соединенной с честолюбцами.

Поскольку в основе цицероновской классификации сторонников Катилины лежит степень одиозности, нас не должно удивлять, что она далеко не полностью соответствует социальному делению римского общества. Так, например, достаточно зыбкой оказывается грань между первой и второй категориями, третьей и четвертой. Чем отличаются “живущие в нужде и скудности”, примкнувшие к сулланским ветеранам, от составляющих “разнообразный и смешанный” четвертый разряд? И тут и там наличествует бедность; весьма вероятно, что представители третьей группы тоже погрязли в долгах; участие в заговоре с целью поправить свое материальное положение свойственно им в равной степени. И все же есть ли какая-нибудь причина, по которой Цицерон различает этих людей?

Обратим внимание на то, что римский оратор подчеркивает наличие связи между ветеранами Суллы и некими сельскими жителями, весьма немногочисленными по сравнению с составляющими основу войска Катилины представителями четвертой категории. Создается впечатление, что отличительной чертой “живущих в нужде и скудности” из третьего разряда является именно тесная связь этого узкого социального слоя с бывшими солдатами диктатора. Основания для подобного предположения дает также ряд других источников. В речи “За Мурену”, произнесенной в ноябре 63 г. до н. э., когда Катилина уже был официально объявлен врагом, Цицерон говорит, что его соперник был окружен “войском аретинских и фезуланских колонов, от каковой толпы в высшей степени сильно отличались люди из несходнейшего с ней рода, опрокинутые несчастьем сулланского времени (*quam turbam dissimillimo ex genere distinguebant homines percussi Sullani temporis calamitate*)” (*Pro Murena.* 49). Великий оратор ни в коем случае не акцентирует внимание слушателей на последних, и тем более подобное упоминание полностью исключалось для Катилинарий. Выступающий на форуме консул должен был умолчать о любых благоприятных для своего противника обстоятельствах⁴, поэтому Цицерон вполне мог изобразить пострадавших от сулланских конфискаций обыкновенными грабителями; точно так же, как он свел

⁴ Именно этим объясняется факт, что знаменитый лозунг *tabulae novae* упомянут в Катилинариях лишь однажды, когда Цицерон говорит о самых богатых сторонниках Луция Сергия (*Cat.* II.18).

острейшую для своего времени долговую проблему к личной бесхозяйственности городских и сельских жителей (*Cat.* II.20–21).

В таком случае, возможно, нуждается в пересмотре роль, которую сыграли в событиях 63 г. до н. э. Фезулы. Как правило, дислокацию лагеря Катилины объясняют проживанием в этой местности сулланских ветеранов, составляющих основу армии восставших. Подобная точка зрения восходит к античным авторам, на которых большое влияние оказало освещение заговора Цицероном (напр.: *Plut. Cic.* 14; *App. Vel. civ.* II.2). Однако она не учитывает тот важный факт, что пятнадцатью годами раньше Фезулы уже были центром гражданской войны, чья искра, по образному выражению Флора, “вылетела из погребального костра Суллы” (III.23). После известия о смерти диктатора лишённые им земли фезуланцы перебили ветеранов и вновь заняли свои участки. Отправленный сенатом на подавление восстания консул М. Лепид объявил себя сторонником мятежников; в его армию стали стекаться бывшие марианцы и пострадавшие от сулланских проскрипций. Источники свидетельствуют о несомненно антисулланском характере движения Лепида (*Sall. Hist.* I.77.6–7; 14; *Flor.* III.23; *App. Vel. civ.* I.107).

Поражение восставших едва ли полностью решило проблему реституции. Показательно, что, по мнению современника событий 63 г. до н. э. Саллюстия, эмиссар Катилины Манлий “возбуждал в Этрурии народ, который из-за нищеты и боли от несправедливости жаждал переворота, так как он при господстве Суллы утратил земли и все свое состояние (*in Etruria plebem sollicitare, egestate simul ac dolore iniuriae novarum regum cupidam, quod Sullae dominatione agros bonaque omnia amiserat*), а кроме того, всяческого рода разбойников, которых в этой области было великое множество (*latrones quoiusque generis, quorum in ea regione magna copia erat*), и некоторых [жителей] из сулланских колоний (*nonnullos ex Sullanis coloniis*)” (*De coniur.* 28.4). Саллюстий делает здесь акцент на пострадавших в результате сулланских наделений землей, а вовсе не на ветеранах, тогда как Цицерон поступает в точности наоборот. Обвинение в разбое являлось традиционным для поднявших мятеж против *civitas*; тем не менее, нельзя исключить, что разбойниками стали разорившиеся по причине задолженности или земельных конфискаций местные жители⁵.

Речь Цицерона “За Суллу” свидетельствует о наличии схожей ситуации в Помпеях, куда диктатором была выведена *Colonia Veneria Cornelia* (*Pro Sulla.* 60–62). Обвиняемому, родственнику Луция Суллы, инкриминировалось, что он вовлек в заговор Катилины именно помпеянцев (*ibid.* 60). Наконец, серебряный орел Мария, которого Катилина сделал символом своего движения (*Cic. Cat.* I.24; II.13; *Sall. De coniur.* 59.3), также подчеркивает его антисуллан-

---

⁵ Так, в частности, полагал Л. Блох (см.: *Блох Л.* Указ. соч. С. 99).

скую направленность⁶. И если, согласно Саллюстию, правым флангом в битве при Пистории командовал Манлий (*De coniur.* 59.3), за левый отвечал некий фезуланец (*ibid*), возможно, по мысли писателя, принадлежащий к тем, кто был затронут сулланскими конфискациями.

Таким образом, источники показывают, что в значительной степени восстание 63 г. до н. э. возникло на той же почве, что и движение Лепида, а роль жителей Италии, пострадавших при наделении ветеранов землей, была гораздо большей, чем это обычно считается⁷.

---

⁶ Ср. с восстановлением Цезарем трофеев Мария (Suet. *Div. Jul.* 11). См. также: Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 179; Кирбятъев С.С. Указ. соч. С. 128.

⁷ За исключением вышеупомянутой работы С.С. Кирбятъева, к сожалению, сильно грешащей “революционным радикализмом”, отечественные исследователи ограничивались краткими замечаниями о важной роли в заговоре Катилины жертв сулланских проскрипций (Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 1. С. 448–449; Метушевская О.В. Аграрный вопрос в Риме 70-х гг. I в. до н.э. // ВДИ. 1983. № 4. С. 149; Эриванский М. Аграрный закон Сервилия Рулла // Ученые Записки Азербайджанского государственного университета. 1958. № 6. С. 206; Горенштейн В.О. Примечания // Цицерон Марк Туллий. Речи в двух томах. М., 1993. Т. 2. С. 336. Прим. 73).